

Самур

Река Самур, впадающая южнее Дербента в Каспийское море, представляет собой стечение рек Рутулчай и Ахтынской²². Этот факт физической географии, а также звуковой состав позволяют нам предположить происхождение названия *Самур* из индоарийского сложения, ср. др.-инд. *sam-* 'с', *vār* 'вода', а также аналогичное *samudrā-* 'обилие воды', 'паводок, разлив'. Существует мнение, что это иранский гидроним; В. Ф. Минорский отождествлял *Самур* с осет. *самур* 'куница' и относил это название реки к аланско-массагетским именам²³, что по ряду соображений не кажется нам вероятным. Из них мы приведем здесь, как нам кажется, одно из главных — явную близость гидронима *Самур* на кавказском берегу Каспийского моря и названия реки *Сумбар* — на юго-восточном побережье Каспийского моря. Река Сумбар (*Симбār*) — приток реки Атрека. Этимологически и для этого гидронима допустима увязка с др.-инд. *sam-* и *vār* (выше), т. е. «су-вody». Как и в случае с дагестанской рекой Самур, это имеет свою реальную мотивировку и для реки Сумбар (приток, впадение). Имеет это в обоих случаях в свою пользу и аргументацию в направлении миграции индоарийцев — в обход Каспийского моря. Кстати, недалеко от Юго-Восточного Прикаспия (и реки Сумбар) локализуется и упоминаемая Тацитом река *Sindes* 'Геджен?', которая разделяла ариев и дахиев. Конечно, в этих местах и направлениях расселялись также иранцы. Но этимологическое *sam-* у них отражено только как (*h*)*am-*, и этого достаточно для того, чтобы отличить одних от других.

В. Н. Топоров

К СЕМАНТИКЕ ЧЕТВЕРИЧНОСТИ

(анатолийское **теу-* и др.)

В древних индоевропейских языках Малой Азии элемент **теу-* входил в состав слов, которые обозначали числительное четыре. Первые примеры подобного рода обнаружены лишь 30 лет назад¹;

²² *Абдуллаев И. Х.* Еще раз к происхождению гидронима *Самур*. — В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976, с. 120 и сл.: цитирует «Описание Южного Дагестана» Ф. Ф. Симоновича 1796 г.: «река Рутулчай составляет с Ахтынской реку Самур».

²³ Цит. по: *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 211, сноска 148.

¹ См.: *Otten H.* Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1953, S. 27, и сл. (лув. *tauwa-*, *tauwaninda-* '4'). Уместно отметить, что хетт. *teju-* (*теу-*) определялось в это время

постепенно их число увеличивалось, и в настоящее время не вызывает сомнения наличие общепантолийского **тец*- в значении 'четыре'. Несмотря на то, что рефлексы этого **тец*- в последнее время неоднократно становились предметом анализа (прежде всего этимологического), анатолийское название четвертого элемента натурального числового ряда продолжает во многом оставаться далеким от ясности. И дело здесь, пожалуй, не только и не столько в изолированности **тец*- '4' (как среди многочисленных примеров стандартного обозначения четырех в других индоевропейских языках с помощью **k^hetur-*, так и в отношении возможностей связей этого элемента с лексемами, которые оказались бы родственными²), сколько в некоторых других особенностях анатолийского **тец*- '4'. Главная из этих особенностей состоит, конечно, в том, что в анатолийских языках лексемы с корнем **тец*- имеют не только числовое значение ('четыре'), но и обладают рядом нечисловых значений (см. ниже), причем лексемы этих двух типов несомненно связаны друг с другом не только исторически, но, видимо, и актуально, тогда как для других индоевропейских числительных родственно связанные с ними лексемы могут быть найдены (и при этом, как правило, лишь с известным вероятием) лишь при обращении к методам лингвистической «палеонтологии»³. Другой особенностью (правда, менее важной и в последнее время, хотя бы отчасти, подтверждающейся сомнению) можно считать наличие в анатолийских языках следов обозначения числительного 'четыре' с помощью **k^hetur-*, и, следовательно, наличие двух способов передачи этого числа. Конкретно выдвигалось несколько образований, претендовавших на продолжение и.е. **k^hetur-*. Среди бесспорно развенчанных случаев прежде всего следует упомянуть хетт. *lūdujanalli*, сначала толковавшееся как обозначение 'четвертого' («der vierte», см. Friedrich, S. 227, 309) и выводившееся из **durijanalli*- с потерей слабого интервокального *r*; при таком предположении хетт. **durija-* (из **turija-*) естественно сопоставлялось с др.-инд. *tūrya-*, и обе эти формы отсылали к и.е. **k^htur-jo-*⁴. Правда, сомнения в подобном этимологическом

совсем иначе — 'Maultier', см. Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, S. 139 (со ссылкой: Laroche. — RHA 10, 20 и указанием «nicht mit Güterbock JAOS 65, 253 'Pferd' /?/).

² Ниже будут перечислены основные предложения, претендующие на указание таких связей внутри индоевропейского словаря. В силу сказанного выше приходится считать недействительным предложенное в словаре Фридриха соотнесение хетт. *meja-* (*тец*-) с лат. *mālus*, фокидск. *μύλος* и т. п. Ср., однако, *Ergänzungsheft* 2, 1961, S. 24.

³ Исключение составляет обозначение единицы, строго говоря, не являвшееся числительным и лишь существенно позднее включенное в числовой ряд. Обозначение 'пяти' (как и 'десяти' и т. п.) должно рассматриваться как очевидный *terminus technicus*, относящийся не столько к соответствующему члену числового ряда, сколько к фиксируемой в этой его точке целостности, совокупности (в условиях пятиричной, соответственно — десятиричной системы счета).

⁴ Sommer F. — IF, 1948, Bd. 59, S. 206—277; ср. также Friedrich J. Churritische Märchen und Sagen in hethitischen Sprache. — ZA 1951,

объяснении *dujanalli*- возникли еще до того, как было установлено действительное значение этого слова. Так, Гютербок, рассматривая различие между обозначением 'четырёх' в лувийском (*mašwa*-) и в хеттском (предполагаемое **tu/r/ia*-), находил целесообразным элиминирование сомнительной хеттской формы и принятие для обоих родственных языков неиндоевропейского числительного *mešwa*-/*mašwa*- '4'⁵. В дополнительной заметке к этой статье⁶ Хэмп допускал, что в хеттском слове в принципе могло как-то отразиться и лабиовелярное *k*#: условная реконструкция — **ku-dujanalli*- (по образцу авест. *āxtūirim* 'четырежды' при авест. *tūrya*-, вед. *turya*-). Тем не менее, такое объяснение, по словам Хэмп, «is not at all satisfying», почему и предлагается при рассмотрении *dujanalli*- исходить из нулевой ступени корня **du(e)l*- '2', расширенного суффиксом с элементом *-n*-⁷, что, однако, не встретило общей поддержки⁸. Сомнения в отношении связи *dujanalli*- с числительным 'четыре' оказались вполне оправданными, и вскоре стало ясно, что это слово никак не связано с обозначением 'четвертого' и, следовательно, с и.-е. **k^hetur-jo*-. Напротив, оно отсылает к другой числовой идее, к 'второму', обозначая военного (соответствие офицеру) второго ранга (**dujana*- при и.-е. **dyo-ló*-; вед. *dvayá*-, гомер. *δοιοί*, ср. хетт. *dā*- /*dān*/ из **daja*- < и.-е. **dyo-jo*-; образованием сходного типа является и хетт. *tarrijana*-, см. ниже)⁹. Значение *L^Udujanalli*- устанавливается с несомненностью благодаря фразе, описывающей последовательную передачу военной команды по цепи, ср.: *L^Utarrijanalliš-ma L^Udujanalli tezzi L^Udujanalliš-ma ANA UGULA 10 MEŠEDI tezzi. IBoT I 36 I 38—39* 'третий по рангу (*tarrijanalli*- 'the third-in-command') говорит (обращается к) *dujanalli*-, и *dujanalli*- говорит командиру (военачальнику) десяти телохранителей'¹⁰. Отражение и.-е. **k^hetur*- иногда склонны видеть и в хеттском названии свидетеля — *kutru*-, букв. в таком случае — 'четвертый' (после судьи, истца и ответчика), ср. *kutrucaḥḥ*- 'свидетельствовать', *kutruḫāi*-, *kutruḫātar*-

NF. Bd. 15, S. 251—252. Нулевая ступень корня представлена в авест. *iīrya*- и т. п., др.-греч. *τρο-* в *τρο-φάλητα* 'шлем' (букв. 'четырёхшпичный'; уже у Гомера и Гесиода), обычно выводимом из **[k^h]tru-*, может быть, в умбр. *trutom*, если его понимать как 'quartum' (**[k^h]tru-t-*) и т. п. См.: Pokorny I, S. 643 и др.

⁵ См.: Güterbock H. G. Lexicographical Notes. — RHA 1957, t. XV, fasc. 60, p. 2—3.

⁶ Hamp E. P. Note. — RHA 1957, t. XV, fasc. 60, p. 7—8.

⁷ Сходные образования известны из ряда и.-е. языков. Ср. герм. **twina*- в др.-в.-нем. *zwinal*-; **twaina*- в др.-англ. *twēntig*; **twinja*- в др.-англ. *getwinne*; лит. *dvynal* и т. п.

⁸ Ср.: Szemerényi O. Studies in the Indo-European System of Numerals, Heidelberg, 1960, p. 80; Jakob-Rost L. Beiträge zum hethitischen Hofzeremoniell (IBoT I 36). — Mitteilungen für Orientforschung 1966, Bd. 11, S. 179.

⁹ См.: Friedrich J. Op. cit. 2. Ergänzungsheft. 1961, S. 25.

¹⁰ См.: Puhvel J. Remarks on 'two' in Hittite. — KZ 1978, Bd. 92, S. 99 и др.

и т. п.)¹¹. Впрочем, и для этих слов предлагались иные этимологические объяснения. Но особый интерес представляет, пожалуй, лик. *teteri*, трактуемое, начиная с А. Торпа (на основании TL 149.4 и 149.12)¹², как числительное '4', из и.-е. **k^het^huros* (через анат. **k^het^haris* /³/ и **k^hetari/s/* > **teteri*)¹³. Впрочем, О. Карруба, выдвинувший обоснование такого понимания лик. *teteri*, признает, что «il risultato può sembrare per molti motive sorprendente». Среди этих мотивов — наличие анат. **mawa-* '4' и некоторая неожиданность формы *teteri* в связи с сакральной ролью числа '4'¹⁴. Существенное уточнение значения *teteri*, предложенное Р. Гусмани¹⁵, лишило это слово статуса числительного. На основании трилингвы, найденной в 1973 г. в Ксанфе, оказалось возможным установить соответствие, формулируемое как лик. *teteri* + *epewêtlm^hmêi* : др.-греч. πόλις и уточняющее предложенное ранее Э. Ларошем уравнение *teteri* = πόλις (ср. *epewêtlm^hmêi* : περίοικοι)¹⁶. Тем не менее, это новонайденное значение ликийск. *teteri*, видимо, не опровергает самой идеи первоначальной связи этого слова с числительным '4' (ср., однако, предложенную в самое последнее время трактовку лик. *teteri* / из **tatari*, ср. *ttaraha* 'городской' / как заимствования из хуритского, ср. урарт. *patari/e* 'город', см.: Иванов В. В. К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. — Этимология 1980. М., 1982, 158. Однако мена *t-*: *p-* объяснима и разными рефлексам и.-е. **k^h*, ср. *téssares*, *tétorés* при эол. (Гомер.) *πίσυρες*, лесб. *πέσ(σ)υρες*, беот. *πέτταρες* '4'). Ср. образ города как четырех угольника, квадрата (ср. *Roma quadrata*, см. ниже), окруженного четырьмя стенами¹⁷.

¹¹ Ср. лат. *testis* 'свидетель', т. е. 'третий' (**terstis*); ср. *третейский суд* и под.

¹² См. критические замечания: *Pedersen H.* Lykisch und Hittitisch. København, 1945, S. 50.

¹³ См.: *Carruba O.* I termini per mese, anno e i numerali in licio. — Istituto Lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche. 1974, v. 108. fasc. II, p. 584—585, 590.

¹⁴ Ср.: «sia perché non è, data la sua frequenza relativa, una cifra più consueta e caratteristica dell' ambito sacrale (come per es 1, 3, 7, 9 o sim)», см. *Carruba O.* Op. cit., p. 585.

¹⁵ См.: *Gusmani R.* In margine alla trilingue licio-greco-aramaica. — Incontri linguisticistici. 1975, v. 2, p. 71—75 (TETERI).

¹⁶ Ключевыми являются два фрагмента трилингвы:
(31—32) se-i-j-ehbi^hja-(a)itê tasa mere ebette teteri Arñnas
(XXVI—XXVIII) και ἐποίησαντο ὄρκους Ἐδνθιοι
se-j-epewêtlm^hmêi Arñnâi

(13—14) και οἱ περίοικοι
(XII) se-deli-ñtâtê teteri si-j-epewêtlm^hmêi...
(XII) και ἔδωκαν [sic] ἡ πόλις...

Найденное на основании этого материала значение вполне удовлетворительно объясняет случаи употребления *teteri* и вне трилингвы. Ср. 29.9. : hl^hm^hmidē Alaxssa[ñ]tra eri-teteri trm^hmisñ ñtepi xñtawata appte, трактуемое Гусмани (Op. cit., p. 84) приблизительно как «Alessandro prese sotto il (suo) dominio i cittadini lici (la cittadinanza licia)» и др.

¹⁷ Иной принцип числового обозначения города — в др.-египт. названии Гермополиса *Шмуну*, букв. 'восемь', в связи с возникшей здесь из

Но в центре внимания в этой статье находятся лексемы с корнем **теу-* (и его вариантами), прежде всего в значении числа 'четыре'. В настоящее время с уверенностью можно говорить об общанатолийском характере **теу-* '4', хотя следует помнить, что сам характер графики древнеанатолийских текстов, как правило, дает лишь очень небольшую надежду на установление языковой формы числительных. В хеттском языке слово для 'четырех' определяется теперь как *теиу-, миццa-*, пом. сомп., ср.: *тејацаš* (= *тејаваš*). Nom., *теиш*. Acc., *миццa[š]*. Gen., а также адъективное образование *миццанијант-* (и *миццанијант-*)¹⁸; ср. конский эпитет *таццали-* (XXXI 66 IV 14). Решающим для определения хеттского слова, обозначающего 'четыре' (помимо к тому времени установленного лув. *ташва-* '4'), был контекст Во 2533 i 9—12:

(9) ...na-at NIM. LĀL. MEŠ ú-da-an-du | (10) [na]-at pí-di-iš-ši ti-an-du NIM. LĀL te-ri-ja-aš UD-aš | (11) mi-i-ú-ya UD-aš KASKAL-an pa-a-an-du na-pa i-ja-tar-mi-it | (12) ú-da-an-du... в котором Гютербок обратил внимание на соотнесенность *теријас* и *миццa*, во-первых, и на то, что речь идет о «пути трех (*теријас*. Gen. Pl.) дней», соответственно — «четырех дней», во-вторых¹⁹. Слово *миццa* в этом фрагменте после того, как оно было должным образом истолковано, естественно соотнеслось с *теу-, теиу-* ('Maultier', по Фридриху), для которого характерна адъективная флексия²⁰, едва ли объяснимая, если слово обозначало лошадей, мулов или каких-либо других животных, запряженных в колесницу Солнечного Бога (а контексты хетт. *теу-, теиу-* именно таковы). Гютербок правильно предположил, что адъективные формы уместны в случае числительного, что речь идет о квадриге (без определения вида животных, связанных с нею). Ему же принадлежит и новый перевод фрагмента KUB XXXI 127 + ABoT 44 i 52 ff.)²¹. После установления звуковой формы числительного 'четыре' едва ли подлежит сомнению, что тот же комплекс *теу-, теиу-, мицц-* стоит и за теми примерами, которые записаны отчасти с помощью идеограмм. Ср., например: *4-anna* (= **теиуанна?*), *4-na*, *4-in*, *4-iš*, *4-aš*, *4-taš*, *4-ija*, *4-taḫḫ* и т. п. В лувийском языке для обозначения 'четырех' служит *ташва-* (ср. характерный пример Instr. — *ma-a-u-wa-a-ti partati*, ср. лув. *parta-* при лик.

цветка лотоса и почитавшейся «Восьмеркой» богов. Впрочем, нередкие случаи числового кодирования местных названий и имен собственных здесь, как правило, не рассматриваются.

¹⁸ «Eine bestimmte Art, die Pferde traben (?)», — по определению исследователя конских текстов. См.: *Kammenhuber A. Hippologia Hethitica. Wiesbaden, 1961, S. 338.* Ср. там же примеры из текстов S. 190—191, 204—209, 212—213, 299.

¹⁹ См.: *Güterbock H. G. Op. cit., p. 1.* Перевод фрагмента — «Let the bees bring it and put in its place! Let the bee(s) go a way of *теријас* day(s), of *миццa* day(s), and let them bring my abundance!».

²⁰ Nom. Plur. *mi-e-ja-ya-aš* и *mi-e-ya-aš*; Acc. Plur. *mi-e-ú-uš*.

²¹ Ср.: «The four which thou, the Sun God, hast harnessed, behold, man piled grain up for them, so let thy four eat! And as long as thy four eat the grain, live thou, Sun God!».

partta- 'часть'), ср. также *tauwaninda*²², а в иероглифическом лувийском — *tuwa/i-* (обычно приводят чтение *ti* для знака из четырех вертикальных черт, а также ссылаются на два места одного и того же текста: 391(—) [1] III-*ta* и 391(—) *tuwa-tan*). Следы использования сопоставимого элемента в том же значении обнаруживаются и в позднеанатолийских языках. Речь идет о типовом ликийском образовании с элементом *-p̄t̄te* (из и.-е. **-pl-mo-* 'fold'), следующим за корнем-числительным в нулевой ступени вокализма. Ср. *tu-p̄t̄te*. 149,14, где *tu-* '4', и аналогичные примеры типа *tu-p̄t̄te*, *trppete* (< **tr-p̄t̄te*), соответственно — о '2' и '3', а также недавно выдвинутую реконструкцию лик. и милийск. **mu-ple* 'четверной', 'четырёхкратный' (по аналогии с милийск. *tr-pple* 'тройной'). Наконец, высказано предположение, что лид. *miva-d* (Nom. neutr.), граффито на сосуде, отсылает к числу '4' как мере жидкости²³.

Этот уникальный в кругу индоевропейских языков способ обозначения '4', конечно, не мог не привлечь внимания в связи с попытками его этимологического объяснения. Сразу же наметились два направления поисков. Первое из них ориентировалось на предполагаемый неиндоевропейский источник, который мог никак не определяться²⁴ или же реконструировался достаточно конкретно (таково заслуживающее пристального внимания оригинальное объяснение В. В. Иванова, согласно которому анат. **tewa* было заимствовано из формы типа лакск. *muIwa*)²⁵. Второе направление в объяснении анатолийских слов для 'четырёх' исходит из его связей внутри индоевропейской языковой семьи. А. Хойбек считает неправдоподобным («unwahrscheinlich») предположение о заимствовании из субстрата числительного из круга малых чисел. По его мнению, «скорее речь должна идти о предположении об очень ранней («sehr frühzeitigen») замене исконного и.-е. числительного другим и.-е. словом («durch ein anderes idg. Wort»)»²⁶. В связи с этим отмечается также, что анатолийское слово для '4'

²² Возражения Б. Розенкранда (Die Welt des Orients 1956, Bd. 1, S. 287 и сл.) в настоящее время не могут считаться убедительными.

²³ Специально о числительном '4' в анатолийских языках см.: Otten H. Op. cit., S. 27—28; Güterbock H. G. Op. cit., p. 1—6; Laroche E. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, p. 70; Heubeck A. 'Digamma' — Probleme des mikenischen Dialekts. — Die Sprache 1963, Bd. 9, S. 201—202; Kronasser H. Etymologie der Hethitischen Sprache. Bd. 1. Wiesbaden, 1966, S. 361—362; Carruba O. Op. cit., p. 584—585; Gusmani R. Op. cit., p. 74; Friedrich J. Op. cit., s. v; JIESt 1981, v. 8, 188.

²⁴ См. Güterbock H. G. Op. cit., p. 3.

²⁵ См. Иванов В. В. Новые данные о соотношении малоазиатской, ликийской, этрусской и римской письменных традиций. Обозначение чисел. — В кн.: Симпозиум Античная Балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. 2—4 декабря 1980 г. М., 1980, с. 24. — Мнение о заимствовании анатолийского обозначения 'четырёх' тем интереснее, что автором отмечаются и другие заимствования числительных из северокавказской традиции в языки малоазийского круга.

²⁶ См.: Heubeck A. Op. cit., S. 201.

склоняется по образцу числительных и даже обнаруживает следы старого аблаута: **mei-*/**mi-*, на основании чего предлагается реконструкция и.-е. **mei-*, подтверждаемая и такими примерами, как тох. В *maiwe* 'маленький', 'молодой', др.-исл. *mjör* 'schmal', 'dünn' (из **maiwa-*)²⁷. Семантическую мотивировку обозначения '4' таким образом Хойбек связывает с исходной идеей 'малой' руки (четыре пальца без большого), что, действительно, могло бы быть подкреплено рядом типологически сходных параллелей. Не менее важна и открывшаяся возможность расширения этого круга за счет родственных индоевропейских форм, воплощающих ту же идею малости. Речь идет о др.-греч. $\mu\acute{\epsilon}\iota\omega\nu$ (Сопр. от $\mu\acute{\iota}\chi\rho\acute{\varsigma}$ и $\acute{\omicron}\lambda\gamma\acute{o}\varsigma$) и особенно о микенских формах типа *me-u-jo*, *me-wi-jo* и под., которые Хойбек предлагает трактовать как продолжения и.-е. **mei-i-ǵs* (**meiw-iǵs*) > др.-греч. $\mu\epsilon\acute{\iota}\omega\nu$, связанные с другими отражениями и.-е. **mei-*, **minei-*/**mini-* (ср. др.-инд. *mināti* 'уменьшать', *mīyate*; др.-греч. $\mu\iota\nu\acute{\omicron}\theta\omega$, из более раннего $\mu\iota\nu\epsilon\omicron\mu\iota$; лат. *minuo* и т. п.)²⁸.

Но и.-е. **mei-*, постулируемое для обозначения 'четырех' в анатолийском и для выражения идеи малости в ряде индоевропейских языков, знает и другие (правда, остающиеся неучтенными) отражения, которые вносят существенные нюансы в семантическую историю слов этого корня и прежде всего ставят в известном смысле под сомнение тезис об исконности значения 'малый' в приведенных выше примерах. Здесь будет указана лишь одна совокупность фактов — лит. слова с элементом *maiv-*, причем они будут представлены скорее в выборочно-схематичном виде, чем в деталях. Анализ соответствующих лексем²⁹ приводит к выделению двух групп случаев. В центре первой — обозначение трясины, болотистой зыбкой поверхности, ср. *máiva* с такими характерными определениями изнутри, как: *Linguojas ir sprogst žemė — tatai m á i v a vadinas* или *Pelkė, kur skęsta tekiniai, grimzta gyvoliai, vadinas m á i v a* (LKŽ VII, 764), ср. *maivynė, maivėtas, išmáivoti 'išklampoti'* (*Kelias išmaujotas, išm á i v o t a s*, LKŽ VII, 765). В центре второй группы — обозначение разного вида поведения, манер, признаваемых неестественными (не нейтральными) и выражающихся в известной гипертрофированности гримас, мин, жестов, ср. *máiva* 'гримаса', 'жест', 'ужимка'³⁰ и тот, кто характеризуется этими движениями ('кривляка', 'ломака' и т. п.)³¹; *máivytiš* 'же-

²⁷ Там же, с. 202; *Pokorny* I, S. 711; ср. также: *Duchesne—Guillemin J. Tocharica.* — BSL 1940, t. 41, p. 157.

²⁸ См.: *Heubeck* A. Op. cit., S. 199—201; *Chadwick J.* — *Transactions of Philological Society* 1954, p. 6 и сл.; *Frisk* 2, S. 197—198; *Chantraine*, s. v. и др.

²⁹ Подробное собрание примеров см.: *Lietuvių kalbos žodynas*, VII (L—Mėlti). Vilnius, 1966, с. 764—765, 930—931 (= LKŽ).

³⁰ Ср.: *Jis m a i v o m i s a p r e i k š d a v o s a v o b a i ū s s k a u s m a* (LKŽ VII, 764).

³¹ Ср.: *Ko ė i a m a i v o j ū s k a i p k o k s m á i v a l* (LKŽ VII, 764), также *pamáiva* 'кривляка', 'жеманица', 'несерьезный человек' ('nerimtas žmogus' LKZ IX, 1973, с. 281: *Čia krypt, ėia švypt — dar tokios p a m á i v o s m e r g o s n e b u v a u m a ė i u s i*), *pamáiviškas*.

маниться', 'кокетничать', 'кривляться', 'ломаться', 'щепетильничать' и т. п. (ср. *man máivijasi* 'у меня предчувствие', 'мне кажется' / 'мерещится'), *máivotis* то же, но и 'капризно, свое нравно, причудливо держаться, вести себя', 'привередничать'; 'казаться', 'видеться' и т. п.³². Ввиду анат. **mei-*: **mei-* уместно напомнить, что подобные отношения отражены отчасти и в литовском. Так, наряду с **mai-* (см. выше) отмечено и **mau(j)-*, продолжения которого расширяют объем семантических возможностей рассматриваемого комплекса. Ср. *maujóti* 'бродить', 'брести по грязи', 'месить грязь' (напр., *Virai par visą dieną ma u j ó j a p o s u m b l a ; Kiaulė kaip po magną ma u j ó j a — taip šlapiai stovi.* LKŽ VII, 930), но и 'разгуживать вдоль и поперек (туда и сюда)', 'опустошать', 'разорять', 'искать ощупью' и т. п.³³; сюда же, конечно, следует относить и *maujóti* 'пачкать', 'марать', 'грязнить', и т. п. (LKŽ VII, 934). Семантическое ядро лексем с корнем **mai-* образуют такие смыслы, как 'нетвердый', 'неустойчивый', 'колеблющийся', 'мягкий'. Нужно полагать, что и диахронически основное задание элемента **mai-* было в обозначении особого зыбкого состояния материи, наиболее обычным воплощением которого была как раз болотная трясина или сходная по консистенции полужидкая пища (каша, густая похлебка и т. п.), а в переносном употреблении — нечто туманное, призрачно-колеблющееся и изменчивое, род некоей зрительной зыби, марева. Из этого исходного смыслового круга убедительно выводятся как 'болотные' и близкие к ним значения (трясинный, хлябеобразный, мокрый, пачкающийся, грязный, темный и т. п.), отмеченные в литовском³⁴ и других и.-е. языках (Pokorny I, 741: **mei-*, **mei-*, **mā-*), так и глубинные значения, характерные для **mai-* именно в литовском, — 'изменчивый', 'переменчивый', 'неустойчивый', 'ненастоящий', 'ненатуральный', 'поддельный' и т. п., откуда объясняются и такие поверхностные смыслы, как 'жеманный', 'кокетничающий' и т. п., обозначающие разные признаки, выра-

³² Ср.: *Anodu besimaivo, t. y. juokias, vaipos, žvingauna, darkos; — Kaip tu maivais, nepastovi, nepasėdi! — Ko čia dabar maivais prieš veidrodį! — Tos mergelkos išsivaipo, išsimáivo visaip; — Sėdėk ramiai, nesimáivok; — Ėmė maivytiės jam įvairūs reginiai iš praeities* и т. п. (LKŽ VII, 765). Ср. *máivuda* 'лауме, пагана' (как привидение) и т. д.

³³ Ср.: *Ma u j ó tas jautis po dirvas, po laukus; — Milijonai tų milžinų ma u j o j o giriose; — Ma u j ó ti pradėjo dvarus; — Ma u j ó ju kišenėjel, bet nerandu nėko; — Visą ežerą iš ma u j ó j o, kol nuskendusį rado* и т. п. (LKŽ VII, 930—931).

³⁴ Сюда можно добавить и примеры с значением 'грязный', 'пачкающий' и т. п. Ср.: *máivytis, išsimáivyti* 'пачкаться', 'грязниться' (*Išsimáiviau, palikau, šliurkštinas* (LKŽ VII, 765); — *Vienas brisdamas stačiai, įsmuko iki juostos, storai susipurvinęs, vos išmaujojo; Parvažiavo girtutelaitis, visas po purvynus išsimaujójęs; Po sąslavas, mėšlus susivoliojo, mazginiūse iki ausų nusimaujojo* (LKŽ VII, 931) и др.

жающиеся в изменяющихся гримасах³⁵. Вместе с тем из значения 'мягкий' (т. е. еще не отвердевший, не застывший, не оформившийся) естественным образом объясняются такие значения, как 'маленький' ('нежный'), 'слабый', 'бедный' ('худой', 'убогий', 'робкий' и т. п.). С этой точки зрения отношение тох. В *maiwe* или др.-греч. *μαίω* к лит. *máiva* (т. е. 'малый' : 'мягкий') аналогично отношению слав. **mold-* (**moldъ*, **mold-ън-ьсь*) или прус. *mal dai* (Nom. Pl.), *mal dian* (Acc. Sg.) как образов малости-молодости к генетически связанным словам других языков, ср. др.-инд. *mrdū* 'мягкий', 'нежный', 'кроткий', лат. *mollis* (< **moldvis*) 'мягкий', 'нежный', др.-ирл. *meldach* то же, ср. др.-греч. *ἀμαλδύω* 'размягчать', 'ослаблять', др.-англ. *meltan* 'плавить', 'растоплять' (ср. гот. *ga-malteinis* 'растворение') и т. п.³⁶. Кстати, др.-англ. *meltan* подсказывает идею общего семантического элемента, лежащего в основе лит. *máiva* 'трясина' и *máiva* 'кривляка', 'жеманица', а именно — 'распущенность' (ср. распущение тверди в хлябь, т. е. рас-плавление, рас-топление (ср. *дороги распустились*, о прекращении твердого пути при таянии), с одной стороны, и распущенность как характеристику внешнего поведения и/или внутренней сути — с другой³⁷).

Это отступление, посвященное некоторым типам выражения малости, имеет своей целью не опровержение трактовки Хойбеком

³⁵ К связи изменчивой, незастывшей гримасы и даже внутреннего состояния с «текучими» характеристиками ср. такие выражения, как *растекающаяся гримаса* (улыбка и т. п., также и *расползающаяся*), *расширяться*, *растечься*, о некоем размягченном состоянии, и т. п.

³⁶ Сочетание смыслов 'маленький', 'юный', 'нежный' является общим местом в семантической структуре самых разных языков (ср. др.-инд. *āpi-* и под.).

³⁷ Лит. *máiva* отсылает нас к сфере физиогномических обозначений. В значительной степени неразработанность семантических мотивировок в этой области не позволяла до сих пор дать подлинное объяснение этимологии этого слова. В этом контексте, в частности, в связи с относящейся к нему темой большого и малого, уместно указать на ее особую роль в языковом выражении характерологических черт человеческого лица — внешних (уровень жестов, гримас) и лежащих за ними внутренних особенностей духовно-нравственного облика. «Большое» отражается в таких физиогномических характеристиках, как 'величественный', 'надменный' ('надутый', 'напыщенный'), 'гордый', 'пышный', откуда и другой род признаков — 'важный' ('тяжеловесный'), 'серьезный', 'неподвижный', 'статуарный' и т. п. вплоть до 'обобщенно-абстрактный'. «Малое» связано с противоположными характеристиками — 'незначительный', 'мелкий' ('измельченный'), 'мизерный' ('сниженный', 'ослабленный'), 'сокращающийся' ('скрюченный', ср. *ужймка* : *жать*, *жму*), откуда — 'изменяющийся' ('кривляющийся', 'гримасничающий'), 'подвижный', 'легкомысленный', 'легковесный', 'несерьезный' (ср. лит. *ramáiva* как обозначение несерьезного человека) и т. п. вплоть до 'конкретно-детализированный'. Но иногда именно «малое» («незаметное») связано с ценностями нравственного порядка: *Есть лица*, подобные пышным порталам, | *Где всюду великое чудится в малом.* | *Есть лица* — подобия *жалких* лачуг... и т. п. у Заболоцкого. Существенно заметить, что «малое», как оно воплощается в чертах лица (или характера), особенно часто и явно связывается с экспрессивностью (не нейтральностью).

анат. **meu-* как первоначального обозначения 'малой руки' (= 4), а ее ограничение, введение в более жесткий и обусловленный контекст, о котором см. далее. В самом деле, в анатолийских языках есть целая группа лексем, которые формально значительно ближе обозначениям '4', чем тох. В *maiwe* или др.-исл. *mjōr*, а содержательно, по меньшей мере, не уступают семантической мотивировке **meu-* '4' как 'малой руки'. Речь идет о примерах, семантика которых ориентирована не на идею малости, а напротив, — величия, особой жизнелюбивости и ее носителей. Достаточно напомнить такие, к сожалению, игнорируемые в связи с объяснением анат. **meu-* '4' факты, как хетт. *muca* 'Körpersaft; — Seelenstoff(?)', эквивалентное аккад. *bubu'du* и идеограмме А. А³⁸, или *muḫattal(l)i-* 'сильный', выводимое Фридрихом из лувийского; лув. *muwa-*, условно определяемое Ларошем как 'âme? gase?'³⁹, и связанные с ним образования — *muwa(i)-*, отыменной глагол (ср. *mu-u-wa-i*. 3. Sg. Praes. или 2. Sg. Imp.; *mu-u-wa-an-ti*. 3. Pl. Praes.; *mu-u-wa-an-za?*); *mu-wattalla/i-*, Adj.; *muwaddalaḫi(t)-*, Subst. abstr. (*mu-wa-ad-da-la-ḫi-da-aš*, хетт. Gen.) и др.; ср. лув.-иерогл. *muwatali-* 'сильный', 'могущественный'. Аналогичный элемент выступает и в целом ряде ономастических образований как в раннеанатолийских, так и в позднеанатолийских источниках, заставляя предполагать его употребление и в апеллятивной лексике. Ср. такие примеры, как лув. *Uḫḫa-muwa* и *Piḫa-AA* (ср. *piḫa-* и *Uḫḫa-ziti*, из Арцавы) и др., причем некоторые случаи, в которых выступает элемент *-muwa*, двусмысленны⁴⁰. Ряд ценных фактов был приведен Г. Нейманом⁴¹: *Mulliyara* (NH № 818), из **muwalli-* 'сильный' и *ara-* 'друг'; *Mulawalwi* (NH № 817), из того же Adj. и названия дикого животного (льва?); *Mummulanti* (NH № 821), имя, в основе которого лежит тот же элемент в редуцированном виде (*-anti* — суффикс). Тот же исследователь предлагает по аналогии с *aruwâtijesi* понимать лик. Nom. прогр. *mullijesi* (TL 6, 1) как «er wird stark sein»⁴², ср. в греческой передаче Μολεσις, Μολλεσις, Μολλισις (ми-

³⁸ См.: Friedrich J. Op. cit., S. 145—146; Ergänzungsheft 3, S. 51. (со ссылкой: Meriggi. — RHA t. 21, fasc. 72, p. 15); Idem. — Kleinasiatische Forschungen 1930, Bd. 1, S. 375—378; Güterbock H. G. Die Elemente *muwa* und *ziti* in den hethitischen Hieroglyphen. — Archiv Orientalní, 1950, ročn. 18, S. 227—230 и др.

³⁹ В связи с этим словом см.: Rosenkranz B. Beiträge zur Erforschung des Luvischen. Wiesbaden, 1952, S. 23, 77; Otten H. Op. cit., S. 45; Güterbock H. G. — Orientalia 1956, v. 25, S. 123; Laroche E. Dictionnaire . . . , p. 72 и др.

⁴⁰ См.: Laroche E. Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1952, p. 125 и сл.; Idem. Dictionnaire. . . p. 72; Idem. Les noms des hittites. Paris, 1966, s. v. (далее — NH).

⁴¹ См.: Neumann G. Spätluwische Namen. — KZ 1978, Bd. 92, S. 126—131.

⁴² Вариант — *mulesi* (TL 105, 2, Gen. *muleseh*). Ликийскому *mullijeseh* (Gen.) отвечает в греческой части TL 6 Gen. Μολλισιοσ. Лик. Nom. прогр. *Hē[pr]guta* (на монете), Nom. Sg. *Hēprāmeb* (TL 36, 3), Gen. Sg. *Hēprāta* (TL 37), Dat. Sg., дало основание для реконструкции лув. **Imtara-muwa* (дальнейшая синкопа — **Imra-muwa* и эпентеза —

зийск. Μολεσις, лид. Μολεσεος, лик. Μολεσιος. Gen., писид. Μολεσις, Gen. Μολεσιος, фриг.-лик. Μολεσις)⁴³. Продолжение лексемы **ti-walli-* в пограничной фригийско-писидийской области в греческое время обнаруживается, согласно Нейману, в именах типа Μοαλεις или Μωαλεις⁴⁴. Такие Nom. prorg., как карийск. Μοηνος или писид. Μαυεννα⁴⁵, трактуются иногда как 'Quartus', 'Quarta', что, конечно, вероятно, но во всяком случае не более, чем толкование этих имен с помощью анат. **тица-* 'сила' и под. (>**тиа-* >**тоа-*) или **тац(v)*-. Вообще нужно заметить, что неустойчивость интervoкального -ц- нередко приводила к дальнейшим сокращениям и преобразованиям элемента **тица* в именах собственных, особенно в позднеанатолийское и специально греческое время. Не исключено, что из-за этого нарушались связи между старым обозначением 'силы' в анатолийских языках и его поздними преобразованными формами в составе имен. Среди таких имен указывались сохраненное в ассирийских царских анналах династическое имя *Rapatti*, где -*ти* из **тица-*, или Nom. prorg. *Zahhati* из лувийской иероглифической надписи из Sekke (19-ая фраза), интерпретируемое Нейманом как 'Kampf-Mut' (ср. хетт.- *zahhāi-* 'битва', 'борьба', лик. *zχhāte* 'они побороли' и -*ти* из **тица-*), а также целый ряд других примеров: *Οραμος*, *Ουαξαμος*, *Ταρκομος*, *Οπραμος*, *Οπραμοας* и даже просто *Μως*⁴⁶; В. Георгиев предложил объяснять имя *Πριαμος* как краткую форму (или результат фонетического развития) от хетт. Nom. prorg. *Pariyamiwas* (от *pariia-* и *тица-*)⁴⁷.

Общепанатолыйский характер **тица-* (**ти-*), его широкое распространение как в Nom. prorg., так и в апеллятивном употреблении, развитая словообразовательная система, в которой используются типичные индоевропейские суффиксы, как и соображения этимологического характера (о них см. ниже), практически гарантируют индоевропейский характер этой лексемы. Более того, элемент **тиц-* гармонично объединяется с **тец-* в рамках стандартной системы чередования гласных как нулевая ступень корня > полной ступенью того же корня, т. е. **тец-* : **тй(ц)*-⁴⁸.

**Imbrōmoas*, откуда реальная «греческая» форма — 'Εμβρομος). См.: Laroche E. Les épitaphes lyciennes. — In: Fouilles des Xanthos. T. V. Tombes — maisons, tombes rupestres et sarcophages, par. J. Demargne. Paris, 1974, p. 127.

⁴³ См.: Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 325—326.

⁴⁴ См.: Zgusta L. Op. cit., S. 322.

⁴⁵ Там же, с. 304, 322.

⁴⁶ См.: Neumann G. Op. cit.

⁴⁷ Georgiev V. Die ethnischen Verhältnisse im alten Nordwestkleinasien. — LB, 1973, t. 16, N 2, S. 7; Idem. Die troianische Herkunft der Elymer. — LB, 1978, t. 21, N 3, S. 6 и др. Материал см.: Zgusta L. Op. cit., s. v.

⁴⁸ Интересны некоторые детали, свидетельствующие (хотя бы в известной мере) о взаимопроникновении элементов, обозначающих '4' и 'силу'. При *тица-* 'сила' ср. уже упоминавшееся хетт. *tīyantiyant-* (*tīyantiyant-*); звуковая форма *tīyca-* (ср. *tīycaš* '4' Асс.) перекликается с и.-е. **тйца-* : **тйц-*, вариантными формами, связанными с обозначением силы (см. ниже).

В самом деле, анат. **тица-*, обозначающее, говоря в общем, некую силу типа *маны*, происходящую от определенного сакрально отмеченного действия и порождающую как результат обилие; множество, благосостояние (см. далее), довольно естественно укладывается в границы, предусмотренные и.е. **тец-*, **теиз-* 'fortschieben' (Pokorny I, S. 743), семантика которого остается, к сожалению, плохо описанной. Не останавливаясь здесь на деталях, можно высказать предположение, что наиболее общим значением подавляющего большинства, продолжений и.е. **тец-* было '(вы)движение вперед', 'превосхождение', опирающееся на исходный семантический комплекс, реконструируемый приблизительно следующим образом — 'применение силы с целью изменения данного состояния и достижения нового (высшего) состояния'. Это исходное значение еще более или менее ощутимо в др.-греч. ἀρεβασσαι 'превосходить', 'побеждать' (ср. гортинск. ἀρεβασσαι 'торговать'), ἀρεβωω 'отбивать, отгонять', 'отражать', 'давать отпор', 'защищать' и т. п.; лат. *moveō* 'приводить в движение', но и 'бить', 'ударять'; 'изгонять', 'вытеснять', 'отвращать'; 'возбуждать', 'начинать'; 'заманивать', 'менять', 'изменять'; 'подстрекать', 'толкать' и т. п. (ср. *mōtus* 'движение', 'порыв', 'побуждение'; 'возмущение', 'мятеж', 'подъем', 'стадия развития'; ср. умбр. *comohota* 'сopmota'); др.-инд. *mīvati*⁴⁹ 'напирать', 'теснить', 'прижимать', 'толкать', 'двигать' (ср. *kāma-mūta-* 'подвигнутый любовью', *mūrā-*, в частности, 'спешащий'). Если в указанных примерах, представленных прежде всего глаголами, семантический множитель 'сила' обычно находится в латентном состоянии и, как правило, лишь предполагается, то в анатолийских примерах, отраженных почти исключительно в имени, напротив, ключевым и наиболее выдвинутым семантическим элементом является 'сила' (соответствующий первичный глагол вообще отсутствует). Следовательно, анатолийские и индо-греко-италийские факты находятся как бы в дополнительном распределении между собой, что может рассматриваться как еще одно свидетельство индоевропейского происхождения анат. **тиц-* и основание для предположения о том, что анатолийские языки могли некогда обладать и соответствующим глаголом, восходящим к и.е. **тец-* / **тоц-* (ср. лув. *tiwa/i-*)⁵⁰.

⁴⁹ Ср. выше об и.-е. **mīc-*.

⁵⁰ В свете рассмотренного выше отношения **maiv-* 'малый' и **maiv-* 'трясинистый', 'мокрый', 'грязный' обращает на себя внимание наличие омонимичного (по меньшей мере) корня **тец-* : **теиз-* : **ти-*, обозначающего нечто влажное, жидкое, грязное (в частности, и болото; ср. Pokorny I, S. 741—742), при уже указанном **тец-*, связанном с понятием 'силы'. Интересно, что этому в принципе положительному значению 'силы' в омонимичном ему **тец-* соответствовали бы обильные «положительные» значения — 'умытый', 'чистый', 'украшенный', 'радостный' и т. п. — вплоть до воплощения этой умытости — очищенности — украшенности в лат. *mundus* 'мир' (инфигурированная форма от **тец-d-* : **ти-d-*), перекликающаяся отчасти с др.-греч. *κόσμος* в том, что касается семантической мотивировки обоих слов.

Основным результатом, вытекающим из до сих пор проанализированных фактов, нужно считать создание вполне реальных предпосылок для выдвижения на анатолийском материале тезиса о возможной связи между обозначением 'четырёх' и обозначением некоей особо отмеченной субстанции — 'силы—обилия' (и, разумеется, об индоевропейских истоках этих обозначений). Данные лексической типологии доставляют убедительное количество примеров, когда число 4, действительно, передается с помощью слов, обозначающих множество, обилие, силу, возрастание⁵¹ (ср. обозначение '4' как 'много' в языке австралийских вирадурай и др.), и в этом отношении приведение здесь соответствующих параллелей не вызвано необходимостью. Важнее подчеркнуть некоторые другие обстоятельства, в той или иной степени объясняющие указанный принцип обозначения '4'. Среди них одно — решающее — бросается в глаза сразу: обозначение '4' как множества, возрастания, силы (или, точнее, кодирование этих понятий и числа '4' общим языковым элементом) встречается или в языках с четверичной системой счисления, или в языках с более или менее отчетливыми следами кватернарности. Более того, можно сказать, что сам факт совпадения обозначения '4' с указанными «множественно-положительными» понятиями может рассматриваться как диагностически точная отсылка к четверичному слою в системе счета⁵². В таком случае указанное совпадение объясняется не какими-либо внутренними и независимыми особенностями числа '4', а исключительно его функцией — быть завершением базового числового ряда, обозначать в его пределах высшую степень возрастания, наибольшее из конкретно-исчисляемых множеств⁵³. То, что 'четыре' некогда действительно замыкало

⁵¹ Помимо значительного числа работ, посвященных частным счетным системам так называемых «примитивных» языков, примеры подобного обозначения '4' указаны: *Nehring A. Zahlwort und Zahlbegriff im Indogermanischen. — Wörter und Sachen 1929, Bd. 12, S. 282—283.*

⁵² Такие совпадения, следовательно, отсутствуют в тех языках, которые свою систему счета основывают на двух или трех счетных единицах (реально этому часто соответствует наличие самостоятельных форм только для первых двух или трех членов натурального ряда). В таких случаях '4' обозначается через элемент, используемый для '2'. Ср. аранта *teramatera* '4' (при *tera, tara* '2') или хайда *stA'nsiñ* '4' (при *stiñ* '2') и т. п. См.: *Majewicz A. F. Some observations concerning various structures of cardinal numbers and the possibility of their classification. — LP, 1976, 19, p. 93—103; Idem. The structure of cardinal numbers. II. Numerals in the Aranda Translation of St. Luke's Gospel of 1925. — LP, 1977, 20, p. 39—43 и др.*

⁵³ Характерны случаи, когда '4' обозначается как определенное множество, а числа сверх '4' — как неопределенное, неисчислимое множество; ср. в языке австралийских туземцев (Lake Macquarie) обозначение чисел сверх '4' с помощью *kaiwol-kaiwol* 'много-много'; другой вариант представлен в тех случаях, когда '4' обозначает как бы градуированное множество, а числа сверх '4' — сверхмножество (ср. обозначение '5' как 'очень много' в языке вирадурай). При переходе к пятиричной системе (или, вернее, при расширении счетного ряда за пределы '4') функцию завершения со всеми вытекающими из этого

в индоевропейском числовой ряд, свидетельствует не только предлагаемая здесь этимология анат. **теу-*, но и многие совершенно независимые данные (явность границы между и.-е. обозначениями '4' и '5' подчеркивается принадлежностью соответствующих слов к разным категориям (условно: Adj. и Subst.); разной их морфологией и наличием ряда не совпадающих друг с другом синтаксических свойств; вхождением в разные последовательности, внутри которых действуют особые закономерности (3, 4, но 5, 6, 7...); различиями в узусе, реализуемыми в культурном контексте⁵⁴ и т. п.), которые уже давно позволили реконструировать для индоевропейского архаичную стадию четверичного счета. Влиятельность четверичного принципа была столь значительной, что в архаичном индоевропейском сознании и рука могла мыслиться как состоящая из четырех элементов (пальцев), подобно, например, папуасскому языку кева с четверичной системой счета, в котором '4' обозначается элементом *ki*, который обозначает и руку (характерно, что большой палец обозначается иначе, чем остальные четыре пальца, и, следовательно, как бы не относится к числу пальцев вообще); ср. английский способ выражения *the four fingers and the thumb* или представления о пальцах в русских загадках (ср.: *Четыре брата, пятый дядя или Четыре брата идут навстречу старшему: «Здравствуй, большак!» — говорят. «Здорово! — отвечает он, — Васька — указка, Мишка — серетка, Гришка — сиротка да крошка — Тимошка!»*) и т. п., не говоря уже о других, в том числе и неиндоевропейских параллелях⁵⁵. В этом контексте следует подчеркнуть, что обозначение '4' как 'малой руки' (т. е. пяти пальцев без большого), о котором писалось выше, указывает на сложение подобного способа обозначения уже в более позднюю эпоху, когда нормой был пятиричный счет и соответственно его образом и средством была 'большая рука' (т. е. пятипалая).

Если четверичная система счета «исторична» в том смысле, что она более или менее легко уступает место другим системам, имеющим перед нею преимущество в операционном плане, то существует сфера, в которой число '4' характеризуется как некая пан-

следствиями берет на себя числительное '5', которое в свою очередь начинает характеризоваться совпадениями указанного типа; ср. и.-е. **penkʰe-* '5' при хетт. *panku-* 'собрание' ('совокупность', 'множество'), *rangarija-* 'увеличиваться' и т. п. (если принять соответствующую этимологию).

⁵⁴ Ср., например, введение в римской традиции числовых обозначений (начиная с пятого для имен детей (*Quintus, Sextus...*), для месяцев (*Quintilis...*), для возрастных групп (ср. *quinquennis...* со счетом по годам (*annus*) при счете по зимам в *bimus, trimus, quadrimus*, т. е. **dui-him-os: hiems* и т. д.); отчасти сюда же могут быть, видимо, отнесены и различия в способах образования мультипликативных наречий и т. п.

⁵⁵ См.: *Schmidl M. Zahl und Zahlen in Afrika.* — In: *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien* 1859, Bd. 45, S. 168 и сл.; *Menninger K. Zahlwort und Ziffer (Eine Kulturgeschichte der Zeit)*, I, Göttingen, 1957 и др.

хроническая и языком не мотивируемая универсалия⁵⁶: она может быть упразднена совсем, но не заменена иным (нежели '4' числовым выражением, если только речь не идет о мультипликациях (8, 16 и т. п.) или явных случаях вырождения. Этой сферой являются мифопоэтические представления о космосе и человеке как его части, изоморфной и соприродной ему. В их основе лежат биологические (а позже и психологические) факторы, о которых здесь не будет говорить, хотя предположение о врожденном характере трех- и четырехчленных (хотя бы в варианте верх — низ, правый — левый или передний — задний, правый — левый) структур или выводы представителей глубинной психологии (Юнг, Адлер, Эдинджер и др.) о роли триад и тетрад, несомненно имеют отношение и к исследуемой здесь теме. Поэтому здесь достаточно лишь самым кратким образом обозначить основную мифопоэтическую идею числа '4', бросающую луч света и на языковую форму обозначения '4' и особенно на ее внеязыковые предпосылки. В отличие от числа '3', служащего идеальной моделью любого динамического процесса (динамической целостности), предполагающего возникновение, развитие, упадок и реализующегося, в частности, в вертикальной структуре Вселенной, число '4' образует статическую целостность, идеально устойчивую структуру, полнее всего реализующуюся в горизонтальном плане Вселенной. С этой особенностью числа '4' связано его использование в мифах о сотворении Вселенной, о ее горизонтальной структуре, о правилах ориентации в ней (4 стороны света, 4 направления, четверка богов или четырехипостасные божества-стражи, далее — 4 времени года, 4 века, 4 основных элемента и т. п.)⁵⁷. Трехчленная вертикальная ось — то направление, по которому в мир входит случайность, неожиданное — как доброе, так и злое. Человек может только просить, молить, чтобы божественные или демонические силы отвратили или приблизили случайность. Сам по себе он в этой ситуации бессилен. Иное положение человека в отношении четырехчленной горизонтальной структуры. Здесь он хозяин, и многое зависит только от него. Поэтому горизонтальное

⁵⁶ Тем не менее, существует учет и тех языковых универсалий (в частности, «отрицательных»), в которых очевидна роль числа '4'. Ср., например, максимальную четырехчленную систему грамматической категории числа (Singularis, Dualis, Trialis, Pluralis, где Pluralis эксплицитно предполагает, что «множество» начинается с '4'); также, кажется, неизвестны примеры более чем четырехчленной системы степеней сравнения (ср. такой вариант, как положительная, сравнительная, превосходная, абсолютная степени). О других примерах такого рода см. в другом месте. Важно, однако, уже здесь подчеркнуть, что числа до '4' включительно не только элементы числового ряда, но и элементы языка описания мира, укорененные в самой структуре языка (даже если какой-либо конкретный язык и не обладает '4' как элементом числового ряда). Поскольку они описывают и сам язык, они обладают внутренней (нередко скрытой) метаязыковой функцией.

⁵⁷ Ср. описание четырехчленных структур в связи с разными моделями Космоса (мировое дерево, мировая гора, Брахман, различные виды ритуальных сооружений и т. п.).

пространство становится предметом особых забот по его охране, по использованию его для увеличения благосостояния, понимаемого как сила—обилие, воплощающаяся в долгой жизни, детях, скоте, богатстве и т. п. Не случайно, что именно горизонтальная структура выступает в качестве ритуального пространства при том, что сам ритуал рассматривается как средство связи людей (земля) с богами (небо) и, следовательно, актуализирует вертикальную ось⁵⁸. Во многих традициях четырехугольное ритуальное пространство, как и соответствующее сакрализованное пространство города, поселения (ср. *Roma quadrata* у Плутарха), специально охраняется на его границах: оно огораживается, обводится чертой, опахивается бороздой, обводится протянутой по периметру вервью, нитью, цепью, т. е. связывается⁵⁹, обходится и освящается жрецами, обносится сакральными символами, которые позже нередко интерпретируются как межевые пограничные знаки (ср. лат. *cippus, terminus* и т. п.)⁶⁰. Открытие, размыкание этого замкнутого и охраняемого пространства всегда сакрально отмечено и становится объектом особых ритуалов⁶¹. Само же риту-

⁵⁸ Можно напомнить, что соединение обеих структур ($3 + 4$ в числовом выражении) образует «сумму мира» (*summa mundi*) — 7 как космологическую константу в целом ряде традиций; идеальный («усиленный») Космос образуется произведением 3×4 , т. е. 12. В тех традициях, где известна числовая символизация полов (например, у бамбара), женщина соотносится с 3, мужчина с 4, а брачная пара как таковая, следовательно, с 7. Произведение 3×4 относится к обозначению идеального, превышающего человеческие возможности (ср. 12 богов пантеона, 12 апостолов, 12 героев и т. п.). Лат. *terque quaterque*, букв. 'и 3 и 4', имеет в переносном смысле значение 'несколько', 'много', 'стократ', 'в высшей степени'.

⁵⁹ Соединительная цепь известна и в описаниях вертикальной структуры (ср. образ *Catena aurea* у Гомера — *αὐρῆ χρυσαῖη*, II. VIII, 19, 25), но там она средство сообщения, которой пользуются для изменения ситуации, а не для гарантии уже достигнутого состояния.

⁶⁰ Иногда эти пространственные указатели персонифицируются. Ср. римское божество границ и межей *Terminus* (позже *Jupiter Terminus*) и посвященные ему празднества — *terminalia* (*quod is dies extremus anni constitutus*, Varro VI, 13, ср. Ovid. *Fast.* II, 49 и сл.). Сами же *termini* (по крайней мере, четыре главных, отмечающих ключевые точки четырехугольного замкнутого пространства) могут толковаться как средства соединения горизонтального плана мира с вертикальным (ср. **ter-* 'проницать' и т. п. в связи с семантикой троичности и тремя космическими зонами по вертикали: к *terminus, termen, termo* ср. лув. *tarmi-*, хетт. *tarma-* 'гвоздь', 'колышек', *tarmāi-* 'вбивать', 'укреплять' и т. п. др.-греч. *τέρμα*), соответственно как два аспекта *маны*. Существенно, что лат. *terminus* означает 'предел', 'конечную цель', 'завершение', т. е. некое высшее состояние (точку).

⁶¹ Ср.: *mundus ter in anno patere solent* (*Festus* 144) или *mundus qui Cereris appellatur, qui ter in anno solet patere* (там же, 126) — при объяснении того же Феста: *Mundo nomen impositum est ab eo mundo qui supra nos est* (там же, 144). От этого *mundus*, представляющего собой род подземного сооружения, имитирующего вход в преисподнюю (врата адавы), отличают *mundus* как первоначальный и позже засыпанный ров, который окружал комиций, место народных собраний на форуме, и самое *Romam quadratam*. Считается, что именно последний имеется в виду в описании Фестом «квадратного Рима» (*in Palatio ante*

альное пространство (особенно его центр) нередко мостится или — чаще — покрывается теми или иными символами возрастающей силы, плодородия (шкура, шерсть, ткань, жертвенная трава, колосья, цветы, яйца, и т. п.; иногда — особое изображение⁶²; на алтарь возлагается жертва, нередко символизирующая данное поселение (и соответствующий коллектив), Вселенную; к жертве обращаются с призывом увеличиться, возрасти, усилиться (ср. сочетание *bráhman* & *vr̥dh-*, постоянное в ведийских ритуальных текстах и гимнах)⁶³.

templum Apollinis dicitur, ubi reposita sunt quae solent boni omnis gratia in urbe condenda adhiberi, quia saxo + munitus + est (= munita est?) initio in speciem quadratam, 310). См.: Grenier A. Les religions étrusques et romaine. — In: *Les religions de l'Europe ancienne*. Paris, 1948, p. 31—32; ср. также: Piganiol A. Les origines du Forum. — In: *Mélanges de l'École française de Rome*. 1908, p. 232—282; Labrousse M. Le pomérium de la Rome impériale. — *Ibid.* 1937, p. 165—199; Lugli G. *Roma antica. Il centro monumentale*. Roma, 1946 и др. Исключительно интересно, что этот ров (очевидно, четырехчленный, так как он шел вокруг *Roma quadrata*) назывался, как и целое мира, вселенной, *mundus*, т. е. словом, восходящим к и.-е. **meḡ-* (**mu-n-d-*, см. выше), с которым связаны и значение 'сила' и значение 'четыре' (ср. анатолийские факты). Впрочем, по сути дела, этот факт не должен вызывать удивления, поскольку оба эти значения теснейшим образом связаны с основными характеристиками города или языковой формой его обозначения (ср., с одной стороны, обозначение города как крепости [: *крепкий*]; ср. англ. *fortress* 'крепость' при дат. *fortis* 'крепкий', 'сильный', 'мощный', 'мощный', 'твердый', *fortitudo* 'крепость', 'сила', 'прочность' и т. п.] а с другой стороны, четверичность, «квадратность» города, позже переносимую и на четырехчленные союзы городов или племен, ср. др.-греч. τετραπόλις 'четыреградие' или галльск. *Petru-corii* и т. п.). В этой связи заслуживают внимания такие анатолийские названия города, как лув.-иерогл. *mini-*, лик. *meñā-*, м. б. хетт. **mina/i-* (ср. LU *minalli-*), см.: Laroche E., Güterbock H. G. und Otten H. *Keilschrifttexte aus Boghazköi*. X. Berlin, 1960 (Bespr.). — OLZ 1962, стб. 30. — Правдоподобно мнение о связи этих обозначений города с и.-е. **meḡ-* 'укреплять' см.: Neumann G. Beiträge zum Lykischen V — Die Sprache 1974, Bd. 20, S. 112. — И.-е. комплекс **meḡey-*, привлекавшийся исследователями к объяснению разных анатолийских форм для '4', мог бы объяснять и связь обозначений '4', 'силы' и 'города' — 'мира' **meḡ-n-*; **meḡ-* и т. п.).

⁶² Ср. аналогичное растягивание шкуры с целью освоения и усвоения себе земли в описании Вергилия: *Devenere locos, ubi nunc ingentia cernis | Moenia surgentemque novae Carthaginis arcem, | Mercatique solum, facti de nomine Byrsam, | Taurino quantum possent circumdare tergo* (Aen, I, 365—368). Ср. др.-греч.: βύρσα при финикийском названии описываемого здесь города-укрепления *Borsa* (ср. другие объяснения для βύρσα). «Бесконечно растянуто по многим местам», — говорится в «Атхарваведе» (X, 8, 12); «Кто знает нить протянутую (sūtaram vītataṃ), в которую вотканы эти потомки, нить нити кто знает, тот знает великого Брáhмана» (X, 8, 37) и т. п.

⁶³ Здесь уместно напомнить о постоянно повторяющемся мотиве четырехчленности Брахмана, четырехугольности алтаря (*vedi-*) и других ритуальных сооружений (напр., *prācīnavat̥śa* в ашвамедхе) и даже четверичности самой жертвы (ср. четыре хосую юницу [*catuṣkapardā yuvatīḥ*], украшенную, с умышленным жиром лицом, облекающуюся в жертвоприношения, предназначенную богам, ср. RV X, 114, 3). Мотив «четыре хос» имеет многочисленные ритуальные параллели; ср. прямоугольные (или круглые) эвенкийские шаманские ровдужные коврики-датур обычно с 4-мя

В этом контексте снова уместно обратиться к балтийским данным и прежде всего к лит. *máuti* и лтш. *maût*, принадлежащим к продолжениям и.-е. **meu-*, к которому было предложено отнести и анат. **muca-*, обозначающее силу и ее воплощения. Лит. *máuti*, действительно, обладает рядом значений, которые отмечались в связи с лат. *moveo* и его соответствиями; ср. 'спешить', 'быстро двигаться', 'толкнуть', 'ударить', 'стукнуть' и т. п. (LKŽ VII, с. 946—952), и в этом плане его отнесение к **meu-* несомненно. Но особенно показательны оригинальные для рефлексов **meu-* значения и прежде всего — 'надевать', 'напяливать', 'напирать', 'напирать', но и 'совлекать', 'стягивать', 'оттягивать' и т. п.⁶⁴, т. е. разные варианты соединения и разведения, распространения и свертывания (ср. отмеченность соответствующих ритуальных действий). На основании подобных значений можно отношение анат. **muca-* 'сила' и под.: лит. *máuti*, лтш. *maût* сопоставить с отношением слав. **sila* 'сила' (ср. лит. *siela* 'душа' (при хетт. *muca-*, трактуемым как 'Seelenstoff?'), прус. *seilin, nosēillis* 'дух' и т. п.): лит. *siēti* 'связывать', — причем *máuti* (*maût*) и *siēti* (*siēt*) оказываются объединенными общей идеей связывания, установления контакта, которая обычно актуализируется в соответствующих ритуалах «связывания» (и «развязывания»). Собственно говоря, сила и является результатом этого связывания⁶⁵, сплетения, сцепления, соединения (= уменьшения); то же относится и к конкретным воплощениям силы, ее носителям⁶⁶.

- плетеными веревочками-завязками (ведийские «4 косы», как обычно полагают, представляют собой такие же четыре веревочки); дэтур считаются «хранилищем для душ оленьего стада» и используются с целью размножения оленей; вместе с тем, *дэтур* обозначает пространство в верховьях мифической реки, где, в частности, находится дух-покровитель. О других аналогиях (с подчеркиванием идеи четверичности и семантикой силы—размножения) уже писалось раньше. Существенно и само ритуальное действие расстилания, растягивания, распространения коврика или жертвенной подстилки.
- ⁶⁴ Ср.: *Vienas máuna žiedus ant piršto, o kitas kailius ant kailmaučio; Máuna rata ant ašies; Mauk arkli, reik joti į miestą; Mauk nuo rankos pirštinėles* и т. п. (LKŽ VII, 946); ср. характерное сочетание *kaili (skūrq) máuti* (в связи с цитируемым выше отрывком из Вергилия о ритуальном растягивании шкуры). — Ср. также лтш. *maût* 'надевать', 'натягивать', 'напяливать', 'насаживать' (ср. *iemauti, iemavi* при лит. *patamūtas* 'хомут', 'недоуздок' и др.) и т. п. и часто идущее с ним параллельно *maukt* (ср.: *maukt gredzenu pirkstā* и т. п.). См. *Mühlenbach—Endzelin* II, S. 568, 570. Ряд балтийских именных образований так или иначе связаны с обозначением разного рода манипуляций или соответствующих устройств. Ср. лит. *raikmaustė (runkmauste* у Ширвида — 'Manipularz kaplański', 'Orarium manuale'), *raikų džmova* 'муфта' (ср. *movėti, mūvēti* о ношении одежды) и др., но и лтш. *patāve* и т. п.; ср. также ср.-н.-нем. *muove* 'рука'.
- ⁶⁵ Ср. др.-инд. *māvati* 'связывать', принадлежащее к тому же и.-е. **meu-*, но отмеченное только у лексикографов (Dhātupāṭha).
- ⁶⁶ Собрание примеров, иллюстрирующих эту связь между обозначением соединения и его образов (веревка, цепь и т. п.), с одной стороны, и потомства, рода, племени, членов общины и т. п. и занимаемого ими пространства — с другой, содержится в статье автора: Праславянское

Но балт. **tau-* обнаруживает связь не только с анат. **mūđā-* через мотив силы, но и, возможно отсылает к техническому аспекту обозначения '4'. Пальцевый счет в самых разных традициях прибегает к обозначению четырех путем растопыривания (вытягивания и разведения врозь, вширь), «распяливания» четырех пальцев руки при том, что большой палец загибается или отводится (иначе говоря, прячется, скрывается, хотя бы символически)⁶⁷. Эта техника могла бы получить довольно точное обозначение как раз при обращении к лит. *máuti*, лтш. *maūt* с их семантической амбивалентностью (объ-ятие — изъ-ятие, о-хват — от-пуск и т. п. Можно напомнить, что образ четыреки-растопырки или порознь четырки и растопырки выступает не только как стандартный фрагмент описания коровы (и других четвероногих) — ее ног и рогов — в загадках⁶⁸, но и как описание четырех пальцев, понимаемых как множество, образующее нечто целое и законченное (см. выше о противопоставлении четырех пальцев большому пальцу). В этом отношении выражение 'четырех' (= целого) с помощью четырех растопыренных пальцев, как бы указывающих меру видимого или невидимого покрова, растягиваемого на них (покрывающего их), и образующих поле силы, едва ли отделимо от описанной выше процедуры растягивания шкуры (обычно на шпеньках, колышках, гвоздях, ср. лат. *terminus*, хетт. *tarma-*), или обтягивания сакрального пространства вервью, цепью, имеющих в принципе ту же семантику возрастающей силы. Высказанное здесь предположение могло бы получить аргументы в свою пользу и в сугубой мифологичности четырех пальцев, иногда соотносимых с четырьмя братьями-стражами, каждый из которых охраняет одну из 4-х сторон света. Подобно тому, как в горизонтальной структуре космологической схемы кроме 4 сторон (углов) выделяется центр (пятый), который впоследствии может обозначать не только самого себя, но и 4 стороны (угла) в целом (позднейшие пятиричные схемы, как правило, и возникают из этой суммы $4 + 1$), — при пальцевом счете, помимо 4-х пальцев, выделяется и пятый палец — большой, который может тоже трактоваться как некая сумма четырех, выраженная единицей более высокого порядка, способной заменять собой четверку ($4 + 1$ как сумма всех пальцев руки, образ «большой руки»). Это членение объясняет (или соответствует) двойкий способ выражения 'четырех' в пальцевом счете: через сложение и соединение 4-х пальцев, когда синтезируется предельно «сильное» для данного числа элементов множество, или через вычитание одного пальца (большого) из пяти, когда 'четыре' получается путем уменьшения исходного

**vygv* и его продолжения. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области славянских языков., М., 1973, с. 119 и сл.

⁶⁷ Значительно менее распространен способ обозначения '4' с помощью соединения (сведения), стягивания (сближения вплотную) четырех пальцев.

⁶⁸ Ср.: Четыре четырки, две растопырки, седьмой вертун и разные варианты.

«пятипальцевого» множества (целого)⁶⁹. Указанные две техники обозначения 'четырёх' дают, как будто, намек на разрешение того парадоксального состояния, когда 'четыре' (в случае анат. **meu-*) семантически мотивируется и как 'уменьшение', 'малость' (см. выше о 'четырёх' как 'малой руке' в связи с др.-греч. *μείων*, тох. В *maiwe* 'маленький' и другими продолжениями и.-е. **mei-*: **mi-neu-*: **mi-nu-* 'уменьшать', 'маленький'⁷⁰), и как 'увеличение', 'множество', 'сила' (ср. анат. **muca-* и другие продолжения и.-е. **meu-*, разобранные выше)⁷¹. Выбор мотивировки тем самым определялся бы точкой отсчета (5 — 1 = 4 или 1 + 1 + 1 + 1 = 4). Но в любом случае существенно: 1) что первый («увеличивающий») принцип архаичнее, что связано с предшествованием 'четверичной' системы счета 'пятиричной'; 2) что позже именно число 5 является ключевым звеном в трактовке соседних членов числового ряда — 4 обозначается как то, что меньше 5 на один счетный квант (та же рука, но уменьшенная, «малая»), а 6 — как то, что больше 5 на тот же квант (своего рода увеличенная, «большая» рука)⁷²; 3) что семантические мотивировки, возникающие при продуцировании чисел на пальцевой «счетной машине» соотношены с семантическими мотивировками элементов космологического пространства (частное следствие из этого — наличие «пальцевого» кода в языке космологических описаний)⁷³. Некоторыми замечаниями

⁶⁹ Любопытно, что и это уменьшение могло бы в принципе выражаться продолжениями и.-е. **meu-*, ср. лит. *māuti* в значении 'снимать', 'совлекать', 'оттягивать' (см. выше) и соответственно движение отгибания, отъединения, отделения большого пальца от остальных при обозначении 'четырёх' в пальцевом счете.

⁷⁰ Ср. лат. *minor, minus, minimus*; корн. *minow* 'уменьшать'; гот. *minnistr*, др.-в.-нем. *minnist*, др.-исл. *minnstr*; ст.-слав. *мьнѣнн*; др.-греч. *μινύω*; др.-инд. *mindti, minōti, mtyate* и т. п. См.: *Pokorny* I, 711. Стоит обратить внимание, что **meu-* с «увеличительной» семантикой соответствовал бы близкий ему по форме и реконструированный из примеров типа *μυβ-* и под. корень **mei-u-*: **meu-* (: **mi-n-u*: **mei-u*) с «уменьшительной» семантикой.

⁷¹ Случай, когда противопоставленные друг другу слова с общим значением 'большой' и 'малый' выражены сходными звуковыми комплексами и реализуют свою противопоставленность на некоем фонетическом минимуме (ср. *μακρός*: *μικρός*), встречаются нередко. Ряд примеров см.: *Иванов В. В.* Семантическая категория малости—величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира. — В кн.: *Проблемы африканского языкознания*. М., 1972, с. 50—95.

⁷² См.: *Nehring A.* Idg. «sechs»; — *Die Sprache* 1962, Bd. 8, S. 129—131 (отчасти — *Merlingen W.* Idg. *χ*. — *Ibid.* 1958, Bd. 4, S. 50, 67).

⁷³ Естественно, что в языках, не разработавших четверичной системы счета, отношения оказываются сдвинутыми. Так, в ряда архаичных языков значение 'много' ('сила') связывается с числами '3' и даже '2'. Осмысление этих случаев дано у Э. Кассирера. Он же отметил и любопытный случай лингвистической «относительности»: «Im Kiwai wird dasselbe Wort (*potoro*), das zur Bezeichnung des Trias dient, auch für 4 angewandt: seine Bedeutung ist daher wahrscheinlich 'wenige', während jede Zahl über 3 durch *sirio* 'viele' wiedergegeben wird». *Cassi-*

о космологической укорененности числовых обозначений уместно заключить эту статью.

Не приходится доказывать, что ядро древнейшей достижимой для реконструкции индоевропейской системы счета составляют 2, 3, 4 (1 и 5, 6, 7 и т. д. в этом смысле к ядру не относятся), и особый статус этих чисел в древних индоевропейских языках и в целом ряде современных (особенно четко в славянских и балтийских) объясняется именно этой их принадлежностью к архаичному слою. Чрезвычайно характерно, что как раз эти числа играют исключительную роль в мифопоэтической космологии, а их языковая форма глубочайшим образом связана с реалиями космологической картины мира. Здесь об этом может быть сказано лишь в самом общем виде. Уже ранее были проанализированы архаичные тексты разных традиций, представляющие собой своего рода «числовые» загадки на космологические темы (типа ведийских *brahmodya*). Их схема достаточно диагностична: Что есть два? — Небо и Земля. — Что есть три? — Верхний, Средний и Нижний миры. — Что есть четыре? — Четыре стороны света⁷⁴. Еще более удивителен языковой аспект связи обозначений этих числительных с космологическими образами. Уже давно было обращено внимание на то, что армянское обозначение неба и земли (*erkin* и *erkir*) соотносятся со словом для '2' — *erku*, восходящим к и.-е. **duǵō*. Недавно был еще раз сформулирован сам принцип подобного названия — «обозначение видимого мира как единства двух твердей земли и неба»⁷⁵. Если напомнить, что один из самых частых образов исходной ситуации перед началом творения — слитые (спаянные) воедино Небо и Земля (например, в варианте Небо—Отец и Земля—Мать), т. е. начальная космическая двойца (своего рода спорыш—двойчатка, с которым связываются представления об особой творческой плодотворной силе), то можно высказать предположение, что именно такие двуединства, соотношенные друг с другом члены пары, и послужили самой общей моделью двоичности вообще и источником семантической мотивировки языковых обозначений числа '2'⁷⁶. В ряде

rer E. Philosophie der symbolischen Formen. 1. Teil. Berlin. 1923, S. 201, ср. также S. 180 и сл. Вместе с тем известны и другие варианты сдвинутого; ср. образ «большой сотни» (или тысячи). См. о ней Sommer F. Zum Zahlwort. München. 1951, S. 64—69.

⁷⁴ При значительном единстве ответов на эти три вопроса поражает разнообразие и явно поздний характер ответов на вопросы, что есть один, пять, шесть, семь и т. п. Тем более важно, что доля «космологических» элементов в этих последних ответах резко падает, а чаще всего исчезает полностью. Стоит также заметить, что и языковая форма этих чисел независима от космологических образов.

⁷⁵ См.: ЭССЯ 5, 174—175. Здесь же ряд других интересных интерпретаций.

⁷⁶ Речь не идет, естественно, о том, что армянский пример первичен и что на его основании можно утверждать нечто вроде: **duǵ-* 'Небо и Земля' → **duǵ-* '2'. В данном случае, особенно имея в виду многократную переслоенность подобных примеров, важно постулирование самого

недавних работ, посвященных семантике троичности, было показано, что мифопоэтические представления о 'трех' полнее всего реализуются в архаичных схемах, приуроченных к вертикальной оси мироздания, конкретнее — к сюжетам и мотивам связи трех космических зон между собой. Т. наз. «Третий» как раз и есть тот мифологический герой, кто прошел все три царства и нашел путь к преодолению смерти. И.-е. **ter-*, кодирующее эти мотивы проникания—преодоления—победы (превосходства, освобождения), если говорить в общем плане, может быть соотнесено с и.-е. **ter-: *trei-* 'три'. Сходная схема, но актуализируемая прежде всего в описаниях горизонтальной оси Космоса, может быть предложена и в связи с числом '4', для иллюстрации чего удобнее всего остановиться на другой, более распространенной форме этого числа — и.-е. **k^hetur-*. Но сначала уместно напомнить типологически распространенную цепь развития тех языковых элементов, которые в конце концов становятся числительными. Следуя наиболее авторитетным исследованиям в области архаичных систем числительных⁷⁷, можно наметить следующие основные этапы в семантической эволюции элемента X (в данном случае, обозначения для «пра-четырёх», т. е. источника более позднего и.-е. **k^hetur-* '4'): 1) X обозначает нечто вполне конкретное, но непременно четырехугольное (четырёхстороннее), напр., дощечку соответствующей формы (значение X для этой стадии именно — 'дощечка'); 2) X начинает обозначать не столько дощечку, сколько четырехугольную (четырёхстороннюю) форму (этому мог предшествовать этап, когда X, букв. — 'дощечка', в переносном употреблении обозначало другие «дощечкообразные», т. е. тоже четырехугольные предметы; на этом этапе, собственно, и консолидировалось признаковое значение, получившее постепенно перевес над конкретным); 3) признаково-конкретное значение X ('четырёхугольный') претерпевает расслоение; связь с конкретным объектом (углом/стороной) разрывается, и признак становится эмансипированным, независимым, получая возможность сочетаться с любым (в принципе) счетным объектом. На этом этапе элемент X обретает статус числительного (разумеется, при учете контекста всего числового ряда), и именно в этот момент, когда X означает 'четыре' и только 'четыре' и разрывает актуальную связь с другими словами нечислительными, обозначающими объекты или признаки, возникают проблемы этимологии слова для '4' (каждое из исторически пройденных значений X может в такой ситуации, если только эти значения не полностью исчезли

принципа, определяющего источник мотивации названия чисел. Также не следует настаивать конкретно на двоице 'Небо — Земля', хотя, как показывает армянский язык, сама связь между числом '2' и обозначениями Неба и Земли может репродуцироваться в ходе развития языка неоднократно.

⁷⁷ Особо следует выделить, помимо ранее отмеченных исследований, книгу: Крейнович Е. А. Гиляцкие числительные. Л. 1932.

в словах, которые еще сохраняют формальную связь с X, претендовать на то, чтобы быть семантической мотивировкой обозначения '4'). Наличие в латинском этимологически связанных друг с другом слов *quattuor* '4' и *quadrivus* 'четырёхугольный', *quadratus* 'четырёхугольный', 'четырёхгранный' в свете сказанного дает основание для предположения (опять-таки с теми же ограничениями, что были высказаны выше, см. 76, что источник и.-е. **k^hetur-* обозначал не только и не столько 'четыре', но и 'квадрат', 'четырёхугольник', 'четырёхугольное', возможно, предметы, для которых четверичность была важным признаком, или даже самое технику получения 'четырёхугольного' (например как в случае анат. **muca-*: лит. *māuti* и т. п., равномерное распространение во все стороны по отношению к центру, расширение, распластывание, растопыривание или, напротив, сужение, ограничение, отбрасывание лишнего, см. выше). В принципе каждое из последующих в этой цепи значений старше, чем '4': 'квадрат' старше, чем '4'; значение, относящееся к технике получения квадрата, старше, чем 'квадрат' и т. п. По аналогии с лат. *quadratus* (*quadrivus*), которое может описывать важнейший параметр пространства, некий идеальный признак его (ср. и сугубо «эстетические» значения: 'пропорциональный', 'соразмерный', 'стройный', 'складный', 'завершенный' и т. п.⁷⁸), можно предположить, что и предшественник и.-е. **k^hetur-* мог обозначать горизонтальную структуру космологической схемы, основанную на распространении (: *пространство*) по четырем основным направлениям из мыслимого центра, обозначаемого вертикальной осью⁷⁹. Характерно, что «положительная» семантика лат. *quadratus* и, возможно, его и.-е. источников перекликается с аналогичной семантикой анат. **muca-* '4': **muca-*, но в первом случае особенно наглядно выступает аспект устойчивости, солидности, надежности, гарантированности — в резком противоречии с «положительной» семантикой числа '3', где она всегда выступает в контексте риска, случая, готовности не только к неожиданностям, но и к жертве вплоть до смерти.

⁷⁸ Ср. поздний математический образ числа в квадрате (x^2), т. е. умноженного само на себя, как максимальное увеличение своего значения (силы) в пределах предусмотренных возможностей. К семантике квадрата в мифопоэтических представлениях см.: Мифы народов мира, т. 1. м., 1980, с. v. *Квадрат*.

⁷⁹ Потребовалось бы больше усилий для того, чтобы дать ответ о характере связи между и.-е. **k^hetur* (лит. *keturi* '4' и т. п.) и такими лексемами, как лит. *kėbtoti* 'развертывать', 'разворачивать', 'расставлять', 'раздвигать' (но и 'махать', 'разводить' [руками]!; ср.: *Jis kalbėjo, o aš tik rankas kėtoja u*), *kėsti* (*kečiū*, **ket-*), *skėsti* (ср. *skėsti pirštus* 'растопыривать [расставлять] пальцы' или *skėsti rankas*) или слав. **četa*, **četati* *sg* и даже **čislo*, **čisti* и т. п. (**kejt-*: **kt-*).